

Основанія гражданской отвѣтственности за вредъ и убытки.

По словамъ нѣмецкаго юриста Юнга ¹⁾, врядь-ли какой-нибудь другой вопросъ гражданского права такъ неразрывно связанъ съ вопросами публичнаго права, такъ горячо задѣваетъ интересы различныхъ слоевъ общества и вызываетъ столько пожеланій, какъ вопросъ объ отвѣтственности за вредъ и убытки. Да это и вполне понятно, т. к. въ основѣ всей контрoверзы объ основаніяхъ этой отвѣтственности лежитъ мысль о роковыхъ слѣдствіяхъ существующаго экономического неравенства, мысль о судьбѣ всѣхъ тѣхъ, которыхъ несчастный случай выбрасываетъ за бортъ, голодными, безсильными и искалѣченными. Проникнутое насквозь индивидуализмомъ римское право провозгласило „*casum sentit dominus*“—иными словами, если у человѣка сгоритъ все имущество, если сломленное грозой дерево убьетъ единственнаго кормильца семьи—потерпѣвшіе остаются всецѣло предоставленными самимъ себѣ безъ права требовать помощи отъ кого-бы то ни было. Только тогда, когда вредъ былъ причиненъ по винѣ умышленной или неосторожной другого лица, только въ томъ случаѣ потерпѣвшій имѣлъ право получить съ виновника вознагражденіе. „Нѣтъ отвѣтственности безъ вины“ вотъ основной принципъ римскаго права, вызывающій столько толковъ въ современной юрид. литературѣ.

На основаніи этого принципа въ связи съ жестокимъ „*casum sentit dominus*“ и разрѣшался въ Римѣ вопросъ объ отвѣтственности за вредъ и убытки.

¹⁾ E. Jung: «Delikt und Schadensverursachung» стр. 3.

Эти-же начала продолжают дѣйствовать и въ современныхъ законодательствахъ. Даже новѣйшій законодательный актъ—новое Германское уложеніе, несмотря на многочисленныя нападки, сохранило принципъ вины въ качествѣ основного начала ¹⁾).

Не дѣлаетъ исключенія изъ общаго правила и наше русское право.

Правда, въ юридической литературѣ раздавались голоса ²⁾), пытавшіеся путемъ буквального, узкаго толкованія ст. 684 т. X доказать, что по нашему праву всякій, причинившій вредъ другому, хотя-бы безъ всякой вины съ своей стороны, долженъ вознаградить потерпѣвшаго, однако эта попытка справедливо опровергается большинствомъ русскихъ юристовъ.

Какъ ни прочно укрѣпился принципъ вины въ правовомъ сознаніи народовъ, однако послѣдовательное, неуклонное примѣненіе его къ жизни очень часто оказывалось несоотвѣтствующимъ требованіямъ жизни, нарушающимъ требованія справедливости. Поэтому еще въ римскомъ правѣ появились уклоненія отъ него въ видѣ усиленной отвѣтственности хозяевъ кораблей и гостинницъ за пропажу пассажирскихъ вещей, отвѣтственность по *actio de effusis et ejectis*, отвѣтственность хозяина за вредъ и убытки, причиненные рабомъ или животнымъ и нѣкоторыя другія. Количество этихъ исключеній въ современномъ правѣ еще больше увеличилось. Правда, сторонники принципа вины утверждаютъ, что въ дѣйствительности во всѣхъ этихъ случаяхъ никакого исключенія изъ общаго правила нѣтъ, что и тутъ отвѣтственность за вредъ несетъ тотъ, на комъ лежитъ вина, а дѣло все только въ предположеніи вины на сторонѣ извѣстнаго лица, устанавливаемомъ ради определенныхъ цѣлей, однако этотъ взглядъ въ большинствѣ случаевъ слѣдуетъ признать неправильнымъ: если бы законодатель дѣйствительно ограничивался только предположеніемъ вины, не отступая отъ самаго принципа, то онъ, несомнѣнно, далъ бы лицу, относительно котораго установлено это предположеніе, право его опровергнуть, между тѣмъ какъ въ большинствѣ случаевъ мы этого не видимъ. За исключеніемъ родителей, опекуновъ и воспитателей малолѣтнихъ, а также

¹⁾ ст. 823—827.

²⁾ Побѣдоносцевъ Лившиковъ, Гершенбергъ и др.

лицъ, имѣющихъ на своемъ попеченіи душевно-больныхъ, которые могутъ освободиться отъ отвѣтственности за вредъ, причиненный ихъ опекаемыми, доказавъ, что съ ихъ стороны никакого упущенія въ надзоръ не было, и что они не могли предотвратить причиненіе вреда—во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, относимыхъ къ разряду исключеній, отвѣтственность является безусловной. Такой является, напримѣръ, отвѣтственность собственниковъ строеній за вредъ, произшедшій отъ неисправнаго состоянія таковыхъ, отвѣтственность за животныхъ, за вредъ, произшедшій отъ паденія недостаточно прикрѣпленныхъ вещей и отвѣтственность господъ и хозяевъ за вредъ, причиненный ихъ слугами при исполненіи порученнаго имъ дѣла.

Правда, нѣкоторые законодательства ¹⁾ даютъ господамъ право опровергнуть предположеніе вины, доказавъ, что никакой culpa in custodiendo et in eligendo съ ихъ стороны не было, но и тутъ, на мой взглядъ, согласованіе съ принципомъ вины является только кажущимся. Какой смыслъ, спрашивается, возлагать отвѣтственность на хозяина, когда истинный виновникъ вреда—самъ служащій—на лицо? Развѣ неосмотрительный выборъ служащаго является дѣяніемъ противоправнымъ? Невольно поэтому зарождается мысль—не основана ли эта отвѣтственность хозяевъ не на намѣреніи законодателя возложить вредъ на истиннаго виновника, а на экономическихъ соображеніяхъ, на намѣреніи гарантировать потерпѣвшаго отъ весьма вѣроятной неплатежеспособности слуги.

Но особенно рѣзко выражается противорѣчіе съ принципомъ вины въ отвѣтственности лицъ невмѣняемыхъ за вредъ, причиненный ими, и въ отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими на фабрикахъ и заводахъ.

Малолѣтнія и душевнобольныя, какъ лица невмѣняемая, согласно принципу вины, не могутъ быть привлечены къ отвѣтственности, а между тѣмъ нѣкоторые законодательства, какъ, напримѣръ, германское ²⁾ и русское, ³⁾ эту отвѣтственность на нихъ все же возлагаютъ, причемъ германское уложеніе выставляетъ эту отвѣтственность не въ видѣ дополненія на случай, когда родители и опекуны докажутъ отсутствіе вины съ ихъ

¹⁾ В. Г. В. ст. 881, Русск. право ст. 687 т. X ч. 1.

²⁾ ст. 827, §28. В. Г. В.

³⁾ ст. 653 т. X ч. I.

сторонъ, какъ это имѣетъ мѣсто по русскому праву, а совершено независимо отъ этого, соображаясь главнымъ образомъ съ имущественнымъ положеніемъ сторонъ.

Что же касается до отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими, то непригодность и несправедливость примѣненія принципа вины въ этой области уже давно признана въ литературѣ. Не имѣя ни техническихъ, ни юридическихъ свѣдѣній, не имѣя возможности надѣяться на свидѣтельскія показанія своихъ товарищей, находящихся въ зависимости отъ хозяина, не имѣя, наконецъ, средствъ на веденіе продолжительнаго и дорого стоящаго процесса, рабочій въ громадномъ большинствѣ случаевъ, за невозможностью доказать вину хозяина, или проигрывалъ дѣло, или кончалъ его миромъ, получая к. н. гроши. При такихъ обстоятельствахъ нѣтъ ничего удивительнаго, что хозяинъ оказывался принужденнымъ въ уплатѣ вознагражденія только въ 12 случаяхъ изъ 100. Если же прибавить къ этому, что по французской статистикѣ въ 1879—1881 г. г. изъ 349 процессовъ о вознагражденіи за убытки 52 тянулись годъ, 159 два года, 73 до 3-хъ лѣтъ, а 36 процессовъ свыше 3-хъ лѣтъ, то, мнѣ кажется, цифры эти уже сами говорятъ, насколько тяжело было положеніе рабочаго, и какое количество жертвъ промышленности выбрасывалось искалѣченными и нищими на произволь судьбы. И вотъ послѣ долгихъ колебаній, послѣ многолѣтней борьбы, массы всевозможныхъ проектовъ, современныя законодательства въ рядѣ специальныхъ законовъ возложили на предпринимателей усиленную отвѣтственность. Только Бельгія, Швейцарія и нѣкоторые штаты Сѣверной Америки остались при старомъ порядкѣ. Раздѣляясь по способамъ осуществленія этой отвѣтственности на государства, возлагающіи ее на отдѣльныхъ предпринимателей, какъ, напримѣръ, англійскій и французскій законы 1898 г. и нашъ русскій законъ 2-го іюня 1903 г., и на государства, замѣнившія индивидуальную отвѣтственность коллективной въ формѣ государственнаго страхованія, къ которымъ относятся Германія, Австрія, Италія и другія, — какъ тѣ, такъ и другія одинаково предоставляютъ пострадавшему рабочему право на полученіе вознагражденія, не только, когда вредъ произошелъ по винѣ хозяина и его довѣренныхъ, но и когда причиной вреда была простая случайность и даже неосторожность самого рабочаго. Таковы

важнѣйшія исключенія изъ принципа „нѣтъ отвѣтственности безъ вины“. Не входя въ болѣе детальное разсмотрѣніе ихъ, мы въ данный моментъ должны ограничиться простымъ констатированіемъ факта существованія въ современномъ правѣ отвѣтственности безъ вины, указывающаго, что послѣдовательное проведеніе этого принципа является несоотвѣтствующимъ требованіямъ жизни.

Констатированіе этого факта повело къ тому, что въ литературѣ былъ поднятъ вопросъ, не является ли вообще принципъ вины, въ качествѣ общаго основанія отвѣтственности за вредъ и убытки, неправильнымъ и несоотвѣтствующимъ какъ требованіямъ логики, такъ и чувству справедливости. Появился цѣлый рядъ специальныхъ изслѣдованій по этому вопросу, закипѣла горячая полемика, и въ результатѣ большинство юристовъ вынесло принципу вины обвинительный приговоръ. Важнѣйшія возраженія, выставленныя противъ теоріи вины заключаются въ слѣдующемъ: Вина, говорятъ эти юристы, въ смыслѣ извѣстнаго субъективнаго состоянія воли, есть основное понятіе уголовного права, и превращеніе ея въ основу имущественной отвѣтственности за вредъ и убытки объясняется смѣшеніемъ наказанія съ вознагражденіемъ за вредъ—институтами рѣзко различными между собой. Уже одно то, что цѣль одного состоитъ въ причиненіи зла, страданія правонарушителю, а цѣль другого—въ удовлетвореніи потерпѣвшаго, указываетъ на невозможность подведенія означенныхъ двухъ институтовъ права подъ одно общее начало. Вслѣдствіе этого различія признаніе вины основой гражданской отвѣтственности ведетъ къ цѣлому ряду противорѣчій. Такъ, если-бы вина въ уголовномъ смыслѣ была дѣйствительно основаніемъ отвѣтственности, тогда судья долженъ былъ бы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ изслѣдовать по возможности психологію причинителя, его характеръ, наслѣдственность, психическое состояніе въ моментъ совершенія вредоноснаго акта, и только на основаніи подобнаго изслѣдованія рѣшить, могло ли данное лицо предвидѣть наступленіе вреда, или не могло. Между тѣмъ при обязательствѣ возмѣщенія убытковъ вопросъ о наличности или отсутствіи вины въ отдѣльномъ случаѣ, рѣшается по общей, весьма неопредѣленной мѣрѣ, по масштабу такъ называемаго „средняго человѣка“—*diligens pater familias*, какъ говорили римляне,—судья долженъ для

признанія вины причинителя ограничиться изслѣдованіемъ, поступилъ-ли причинитель такъ, какъ поступилъ-бы при такихъ обстоятельствахъ этотъ „средній человѣкъ“, или нѣтъ. Вина же по своей природѣ должна быть индивидуальной и конкретной, а не общей и абстрактной.

Во вторыхъ, степень вины не принимается во вниманіе при опредѣленіи размѣра вознагражденія—какъ умысленный виновникъ, такъ и неосторожный несутъ вредъ въ размѣрѣ причиненнаго ущерба, откуда также само собой вытекаетъ, что моментъ вины въ данномъ случаѣ не является настоящей причиной отвѣтственности. Кроме того, не говоря уже о вышеприведенныхъ нами случаяхъ отвѣтственности безъ вины, обязательство возмѣщенія убытковъ передается на наслѣдниковъ причинителя, хотя, конечно, имъ не можетъ быть вменено рѣшительно никакой вины. Наконецъ, теорія вины противорѣчитъ простой справедливости: богатый баринъ—охотникъ стрѣляетъ для забавы и попадаетъ случайно въ единственную корову бѣднаго крестьянина; богатые дѣти разбиваютъ изъ шалости камнемъ выставленную на базарѣ посуду—не возмутительно-ли, что съ точки зрѣнія теоріи вины, и крестьянинъ и торговецъ должны остаться безъ вознагражденія, довольствуясь жестокимъ правиломъ „casum sentit dominus“?

Признавая теорію вины на основаніи указанныхъ соображеній и теоретически неправильной и недостаточно ограждающей интересы потерпѣвшаго, юристы стремились въ то же время отыскать иное болѣе правильное и болѣе широкое основаніе отвѣтственности за вредъ и убытки. Различныхъ теорій, пытающихся построить отвѣтственность за вредъ на новыхъ началахъ появилось великое множество. Чуть не каждый юристъ, посвящавшій свое вниманіе изслѣдуемому нами вопросу, выставялъ собственное основаніе отвѣтственности за вредъ. Не имѣя возможности хотя-бы вкратцѣ изложить ихъ всѣхъ, я позволю себѣ остановить Ваше вниманіе только на наиболѣе замѣчательныхъ изъ нихъ.

Прежде всего я долженъ указать на выставленный Гирке ¹⁾ и Виндингомъ ²⁾ въ качествѣ прямой противоположности

¹⁾ «Die sociale Aufgabe des Privatrechts». Ст. 33—34.

²⁾ «Die Normen und ihre Uebertretung» т. I изд. 1890 г. т. II изд. 18 77

теоріи вины, такъ называемый древне-германскій принципъ причиненія. Желая облегчить положеніе потерпѣвшаго, вышеупомянутые юристы предлагали расширить отвѣтственность причинителя, обуславливая ее только наличностью причинной связи между дѣйствіемъ давнаго лица и вредомъ, не обращая вниманія, можно-ли это дѣйствіе поставить ему въ вину или нецелья. Въ силу этой теоріи должны были возмѣстить причиненный вредъ и дитя, разбившее посуду, и баринъ, убившій корову. Эта теорія, считающая основаніемъ обязательства возмѣщенія убытковъ механическую или „голую“ каузальность, выдвигающая впередъ одинъ голый фактъ, что А посягнулъ на вещь, принадлежащую В, и присуждающая А къ отвѣтственности, хотя бы онъ дѣйствовалъ въ помянутомъ разсудка, — вызвала горячую критику, какъ въ иностранной, такъ и въ русской литературѣ, и можетъ считаться въ настоящее время окончательно опровергнутой. Взаимнѣ ея появился рядъ теорій, пытающихся, не впадая въ крайность, установить, если можно такъ выразиться, принципъ средній между теоріей механическаго причиненія и теоріей вины. Здѣсь нужно указать прежде всего на теорію риска, главными представителями которой были Унгеръ ¹⁾ и Меркель ²⁾.

За послѣднее время защитникомъ ея явился молодой французскій давилистъ Corbesco. ³⁾ Несмотря на мелкія разногласія, всѣ эти юристы сходятся въ томъ общемъ положеніи, что всякій, дѣйствующій въ своемъ интересѣ, получающій выгоды отъ своего дѣйствія, долженъ нести на себѣ и всѣ, связанныя съ нимъ, невыгодныя послѣдствія... *Eigenes Interesse—eigne gefahr, fremdes Interesse—fremde gefahr*—такова общая формула Унгера, аналогичная съ римской: „*Cuius commoda ejus incommoda*“.

Второй, довольно распространенной теоріей, является принадлежащая Sjogren'у ⁴⁾ идея каузальности воли.—„*Causalität des Willens*.“ Sjogren признаетъ, что отвѣтственность

¹⁾ «Handeln auf eigne gefahr», (1893), «Handeln auf fremde gefahr» 1894)

²⁾ «Die Kollision rechtmässiger Interessen und die Schadenersatzpflicht» 1895).

³⁾ «Devoirs moraux et obligations légales» (1903 г.).

⁴⁾ «Formen des Unrechts». Iherings. Jahrb. Bd. 35 стр 343—430.

за вредъ всегда должна падать на того, кто причинилъ этотъ вредъ. Но для установленія причинной связи между дѣйствіемъ и вредомъ недостаточно простой механической причинности, а необходима причинность воли, т. е. причинная связь вреда съ актомъ воли извѣстнаго лица. Что-же касается до вины, то она является не моментомъ производящимъ отвѣтственность, а лишь извѣстнымъ „симптоматическимъ признакомъ“, однимъ изъ средствъ доказательства существованія въ извѣстномъ случаѣ причинной связи между вредомъ и волей причинителя. Эта идея причинности воли была высказана Ратнеромъ въ 1901 г. на страницахъ Русскаго Богатства. ¹⁾ Горячимъ сторонникомъ ея явился также Кривцовъ ²⁾ въ своей монографіи, посвященной общему ученію объ убыткахъ. Кромѣ указанныхъ теорій, возникло и много другихъ, менѣе интересныхъ. Наконецъ цѣлый рядъ юристовъ, какъ на примѣръ Штейнбахъ ³⁾, Густавъ Рюмелинъ ⁴⁾, и др. пришли къ тому выводу, что при установленіи отвѣтственности за вредъ и убытки играютъ роль самыя различныя соображенія, свести которыхъ къ какому либо одному общему принципу положительно невозможно.

Прежде чѣмъ перейти къ рассмотрѣнію, насколько справедливы вводимыя на принципъ вины обвиненія, и которая изъ изложенныхъ теорій является наиболѣе правильной, я позволю себѣ взглянуть на изслѣдуемый нами вопросъ съ точки зрѣнія, которая, хотя и выводитъ насъ нѣсколько изъ предѣловъ гражданскаго права, но тѣмъ не менѣе имѣетъ большое значеніе для направленія и результата нашего изслѣдованія.

Противники принципа вины, какъ мы видѣли, упрекали его въ несоотвѣтствіи съ чувствомъ справедливости. Они приводили въ примѣръ бѣднаго крестьянина, оставшагося безъ вознагражденія за убитую случайно богатымъ баринкомъ корову, бѣдную торговку, также ничего не получающую за

¹⁾ №№ 9 и 12.

²⁾ «Общее ученіе объ убыткахъ» (1902 г.)

³⁾ Die grundsätze des heutigen Rechts über den Ersatz von Vermögensschaden (1888).

⁴⁾ «Culpahaftung und Causalhaftung», Archiv. f. civ. Praxis Bd 88 стр. 285—316.

разбитую состоятельнымъ ребенкомъ посуду,—и признавали принципъ вины недостаточнымъ. Недостатокъ этотъ они предполагали устранить, замѣняя принципъ вины болѣе широкимъ принципомъ причиненія, собственнаго риска, причинности воли и т. п., при которыхъ потерпѣвшій получалъ бы вознагражденіе во многихъ случаяхъ, гдѣ при принципѣ вины онъ его не имѣлъ.

Вполнѣ соглашаясь, что при господствѣ принципа вины положеніе потерпѣвшаго весьма и весьма часто возмущаетъ наше чувство справедливости, что жестоко и несправедливо въ приведенныхъ примѣрахъ оставлять крестьянина и торговку безъ вознагражденія, я никакъ не могу согласиться, что стоитъ замѣнить принципъ вины принципомъ причиненія и подобныя несправедливости больше не будутъ имѣть мѣста. Возмѣщеніе убытка не уничтожаетъ вреда, но лишь переноситъ его съ одного лица на другое, потому недостаточно стремиться дать потерпѣвшему возможно полное вознагражденіе, а необходимо всегда имѣть въ виду положеніе того лица, на которое вредъ переносится. Стоитъ только, такъ сказать, переставить экономическое положеніе сторонъ въ вышеприведенныхъ примѣрахъ, и мы увидимъ, настолько неэффективнымъ средствомъ противъ несправедливости является замѣна теоріи вины напр. теоріей причиненія,—если при принципѣ вины мы находимъ несправедливымъ, что не получить вознагражденія торговка, у которой богатый господинъ, поскользнувшись разбилъ всю посуду, то не найдемъ-ли мы также несправедливымъ, если у деревенской бабы продадутъ послѣднюю коровенку и весь ея скарбъ, чтобы возмѣститъ вредъ за зеркальное стекло магазина, которое она разбила поскользнувшись въ гололедицу. Подобные случаи возможны не только при принципѣ вины, но и при господствѣ любого другого принципа. Современныя законодательства возлагаютъ всю тяжесть несчастья на потерпѣвшаго, что является жестокимъ и несправедливымъ,—новыя теоріи на мѣсто потерпѣвшаго хотятъ поставить какое нибудь другое лицо, что также жестоко и несправедливо.

Очевидно, такимъ образомъ, что причина возможности подобныхъ несправедливостей лежитъ не въ теоріи вины, а въ чемъ-то другомъ.

Это что то другое заключается въ индивидуалистическихъ началахъ, которыми проникнуто современное гражданское право въ связи съ существующимъ экономическимъ неравенствомъ. Какъ принципъ вины, такъ и всѣ перечисленныя новыя теоріи, ставятъ себѣ задачей найти основаніе, руководствуясь которымъ можно было бы рѣшить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, на кого изъ двухъ должна падать отвѣтственность—на потерпѣвшаго или на причинителя, между тѣмъ какъ, какую теорію мы бы ни положили въ основаніе, всегда будутъ возникать такіе случаи, гдѣ эту отвѣтственность нельзя, безъ оскорбленія чувства справедливости, возложить ни на ту, ни на другую сторону. Наконецъ, даже въ томъ случаѣ, когда у насъ имѣется серьезное и согласное съ чувствомъ справедливости основаніе возложить обязанность возмѣщенія вреда на извѣстное лицо, можетъ обзавестись, что данное лицо не имѣетъ средствъ, чтобы заплатить за ущербъ, и потерпѣвшій, такимъ образомъ, остается безъ вознагражденія,—не будетъ-ли тутъ также возмущаться наше чувство справедливости, какъ и въ вышеупомянутыхъ примѣрахъ. Если вредъ во всѣхъ этихъ случаяхъ не особенно значителенъ, бѣда еще не велика, но когда онъ настолько великъ, что окончательно подрываетъ благосостояніе человѣка, добытое иной разъ путемъ многолѣтняго труда, выбрасываетъ его нищимъ или калѣкой на произволъ судьбы, тогда наше возмущеніе доходитъ до апогея, усиливается еще рѣзкимъ контрастомъ существующей рядомъ чрезмѣрной роскоши и богатства.

Въ силу этого можно смѣло сказать, что всѣ новыя теоріи, строя отвѣтственность за вредъ на тѣхъ же индивидуалистическихъ началахъ, какъ и принципъ вины, представляютъ изъ себя въ извѣстномъ отношеніи вливаніе молодого вина въ мѣхи старыя—что-же удивляться, что мѣхи разрываются и вино утекаетъ.

На послѣднее обстоятельство указываютъ тѣ самыя упреки, которые дѣлаютъ принципу вины, служа нагляднымъ доказательствомъ того, что чувство справедливости плохо начинаетъ мириться съ индивидуализмомъ, и что тѣсно и душно стало современной дѣйствительности въ его узкихъ рамкахъ. Какъ ни велико вліяніе традиціи, но стремленіе къ иному социальному строю проявляется все рѣзче и рѣзче и съ значительной силой сказалось въ вопросѣ объ основа-

нѣхъ гражданской отвѣтственности за вредъ и убытки, указывая для рѣшенія его новый путь, конечный пунктъ котораго далеко выходитъ за предѣлы гражданскаго права.

Еще въ 1888 г. Матайя въ своемъ сочиненіи: „Das Recht des Schadensersatzes vom Standpunkt des Nationalökonomie“ говорилъ: „Правило, что случайный вредъ падаетъ на того, кого онъ постигаетъ, есть выраженіе близорукаго эгоизма, и устраненіе этого правила является признакомъ растущаго чувства человѣческой солидарности. Всякій вредъ становится менѣ чувствителенъ, если онъ оказывается раздѣленнымъ, и долженъ дѣйствовать наиболѣе жестоко, если отвѣтственность за него остается на одномъ субъектѣ. Въ интересахъ, поэтому, народнаго хозяйства, находящихся притомъ въ полной гармоніи съ требованіями справедливости, слѣдуетъ обратить вниманіе на раздѣленіе тягостей вреда.... Новѣйшая социальная политика, слѣдуя силѣ отношеній, стремится превратить индивидуальную нужду въ нужду общественную, съ которой необходимо бороться общими средствами. вмѣсто господствующаго въ настоящее время индивидуалистическаго или частно хозяйственнаго права возмѣщенія вреда, вея несправедливость и пещѣлесообразность котораго въ настоящее время сознается большинствомъ юристовъ, необходимо перейти къ противоположному принципу разложенія вреда, который, подъ видомъ страхованія всѣхъ гражданъ, принимаетъ общественно-хозяйственный и общественно-правовой характеръ“.

Идея разложенія вреда, на которую указываетъ Матайя, въ настоящее время существуетъ не только въ теоріи. Она нашла себѣ примѣненіе въ одномъ изъ наиболѣе боевыхъ вопросовъ современнаго права—въ отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими.

Впервые установленное въ 1884 г. въ Германіи обязательное государственное страхованіе рабочихъ за послѣдніе 20 лѣтъ распространилось почти по всей Европѣ. Въ настоящее время оно существуетъ въ Австріи, Норвегіи, Италіи, Голландіи, и даже въ Финляндіи. Это даетъ намъ возможность въ настоящее время на практикѣ оцѣнить теорію разложенія вреда, увидѣть всѣ ея достоинства и недостатки и рѣшить, насколько правъ былъ Матайя, выставляя ее въ качествѣ единственнаго средства, способнаго устранить всѣ недостатки

существующей организаціи отвѣтственности за вредъ и убытки. И дѣйствительная жизнь, въ лицѣ большинства юристовъ, экономистовъ, самихъ предпринимателей и рабочихъ, горячо высказалась въ ея пользу. Нельзя не согласиться, что это мнѣніе вполнѣ справедливо. Не обременяя непосильно отдѣльныхъ предпринимателей, устраняя въ значительной степени поводы къ судебнымъ процессамъ между рабочими и работодателями, тяжелымъ для рабочихъ и ухудшающимъ отношенія между обѣими сторонами, государственное страхованіе даетъ рабочему возможность легко получить вознагражденіе за вредъ, совершенно независимо отъ имущественной состоятельности предпринимателя, и притомъ даже въ случаѣ неосторожной вины самого рабочаго.

Эти важныя преимущества разложенія вреда устраняютъ проглядывающее въ современныхъ теоріяхъ побужденіе во что-бы ни стало возложить отвѣтственность на когонибудь, чуть ли не на перваго встрѣчнаго, и даютъ возможность законодателю, не уничтожая окончательно примѣненія индивидуальной отвѣтственности, возлагать ее только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этого требуетъ правовое сознаніе и чувство справедливости. Поэтому страховому учрежденію дается право регресса къ отдѣльному предпринимателю только въ тѣхъ случаяхъ, когда его вина будетъ установлена приговоромъ уголовного суда, а германское и австрійское законодательства даже требуютъ умышленной вины.

Изъ сказаннаго, мнѣ кажется, наглядно вытекаетъ, что теорія разложенія вреда, какъ разъ устраняетъ всѣ тѣ недостатки современнаго права, на которые мы выше указывали, и намъ остается только пожелать, чтобы будущій русскій земскій соборъ, въ ряду другихъ необходимыхъ законодательныхъ мѣръ, ввелъ-бы и у насъ въ Россіи столь давно ожидаемое государственное страхованіе рабочихъ, поставивъ его въ возможно широкихъ рамкахъ, какъ по отношенію къ лицамъ, ему подлежащимъ, такъ и по отношенію къ размѣрамъ получаемаго ими вознагражденія.

Итакъ на основаніи данныхъ, представляемыхъ государственнымъ страхованіемъ, мы пришли къ убѣжденію, что разложеніе вреда представляетъ значительныя преимущества передъ господствующимъ принципомъ индивидуальной отвѣтственности. Теперь возникаетъ вопросъ—возможно-ли распро-

странить примѣненіе идеи разложенія вреда на всю область гражданской отвѣтственности за вредъ и убытки?

Противъ подобнаго расширенія въ литературѣ были сдѣланы серьезныя возраженія. Такъ, напримѣръ, Юнгъ, Ратнеръ, и другіе, соглашаясь, что принципъ разложенія вреда вполне основателенъ и цѣлесообразенъ съ публично-правовой точки зрѣнія, утверждаютъ, что съ точки зрѣнія частнаго, слѣдовательно нынѣшняго гражданского права, онъ представляется несправедливымъ. Тамъ, гдѣ социальная жизнь покоится на строго индивидуалистическихъ началахъ, гдѣ отдѣльные индивидуумы ведутъ разрозненное экономическое существованіе, тамъ всякая попытка связать эту экономическую изолированность какими-либо общими узами, въ видѣ, напримѣръ, общаго разложенія случайнаго вреда, естественно, представляется неправильной, произвольной, юридически необоснованной. Только въ иномъ высшемъ строѣ, основанномъ на экономическомъ обобществленіи, подобныя правовыя нормы могли бы представляться естественно вытекающими изъ самыхъ условій реальной жизни. Въ настоящее же время, оговариваясь Ратнеръ, ¹⁾ разложеніе вреда можетъ получить болѣе или менѣе удовлетворительное разрѣшеніе только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, въ которыхъ сталкиваются между собой лица, связанныя не только даннымъ случайнымъ явленіемъ, а постоянными, регулярными, изъ существа ихъ жизни и ихъ занятій вытекающими нитями. Такими именно и являются отношенія предпринимателей къ рабочимъ. Точно также и профессоръ Покровский ²⁾ высказываетъ мнѣніе, что въ настоящее время съ его рѣзкимъ экономическимъ неравенствомъ нельзя всякій случайный вредъ, всякое случайное несчастье разлагать на плечи всѣхъ, превращая его въ расходъ государственный. Вышеприведенныя соображенія нельзя не признать справедливыми. Несомнѣнно было бы страшной несправедливостью ущербъ отъ случайно разбитой драгоценной вазы, принадлежащей богатому человѣку, разлагать на людей, которые не только не имѣли, но и не видали никогда подобныхъ вазъ.

¹⁾ «Объ основаніяхъ отвѣтственности предпринимателей за смерть и увѣчье рабочихъ» Русс. Богат. 1901 г. № 12 стр. 162.

²⁾ Возмѣщеніе вреда и разложеніе его». Вѣсти Права 1899 г. № 9 стр. 36.

Если-же организовать разложеніе даннаго вреда только на группы одинаковыхъ интересентовъ, т. е., напр., на всѣхъ лицъ, имѣющихъ такіа вазы, то организація подобныхъ группъ возможна только въ тѣхъ случаяхъ, когда опредѣленное несчастье грозитъ значительному количеству лицъ, но, конечно, невозможно для всѣхъ повседневныхъ и разнообразныхъ случайностей.

Однако, признавая полное осуществленіе идеи разложенія вреда въ настоящее время невозможнымъ, я никакъ не могу согласиться, что единственнымъ счастливымъ исключеніемъ являются отношенія между предпринимателями и рабочими. Какъ ни далѣкъ тотъ высшій строй экономическаго обобщенія, онъ все-же можетъ настать не путемъ быстрого переворота, а путемъ медленнаго, постепеннаго развитія, связаннаго съ нравственнымъ перерожденіемъ челоуѣка. Поэтому каждый шагъ впередъ, какъ бы незначителенъ онъ ни былъ, все же долженъ быть сдѣланъ. И въ области ответственности за вредъ и убытки и въ настоящее время существуютъ такіа несчастія, которыя грозятъ не только опредѣленному классу лицъ, но всѣмъ безъ исключенія Проф. Покровскій ¹⁾ говоритъ: „Если опасность пострадать отъ пожара или градобитія касается только въкоторыхъ лицъ, то возможность оказатья при нывышнемъ строѣ выброшеннымъ за борть и умереть голодной смертью теоретически есть общая возможность для всѣхъ членовъ общества. А вслѣдствіе этого всѣ члены общества должны объединиться для общей гарантіи другъ друга, для общаго страхованія, ибо всѣ они являются здѣсь одинаковыми интересентами. Другими словами государство должно взять на себя обезпеченіе всѣхъ этихъ выброшенныхъ за борть, какъ оно беретъ на себя выдачу пенсій и т. п., образовавъ для этого фондъ изъ частныхъ обязательныхъ взносовъ, сообразно общимъ податнымъ основаніямъ“. Присоединяясь вполнѣ къ этимъ словамъ талантливаго юриста, намъ остается указать, что пожеланія эти уже начали сбываться въ дѣйствительности.

Въ Даніи, по закону 1891 г. ²⁾, каждый гражданинъ, достигшій 60-лѣтняго возраста, не имѣя возможности добывать

¹⁾ Цит. соч стр. 38.

²⁾ Daniel Masse: «Legislation du travail et lois ouvrieres» 1904 г стр. 780—784.

пропитаніе для себя и для своей семьи, имѣеть право на особую пенсію. Для полученія ея требуется, чтобы лицо это не было обвинено въ какомъ-либо поворномъ преступленіи, жило въ Даніи въ теченіи послѣднихъ 10 лѣтъ, не будучи наказано за нищенство и бродяжничество, и притомъ если онъ самъ не былъ виной своего печальнаго положенія, раздавъ все свое имущество дѣтямъ или истративъ его безразсудной расточительностью. Расходъ по этимъ пенсіямъ несетъ государство вмѣстѣ съ мѣстными органами самоуправленія.

Подобный законъ изданъ въ 1898 г. въ Новой-Зеландіи, ¹⁾ гдѣ пенсіи на случай старости даются лицамъ, имѣющимъ менѣе 1300 фр. годового дохода или имѣющимъ капиталъ ниже 6750 фр.. Maximum пенсіи достигаетъ 450 фр.

Наконецъ во Франціи 15-іюля 1903 г. ²⁾ палата депутатовъ приняла проектъ закона относительно учрежденія такъ наз. *service public de solidarité social*. По проекту каждый французъ, достигшій 70-лѣтняго возраста или неизлѣчимо больной, не могущій самъ зарабатывать себѣ пропитаніе, получаетъ право на извѣстное содержаніе отъ органовъ мѣстнаго самоуправленія. Какъ ни далеко вышеупомянутымъ законамъ и проектамъ до осуществленія разложенія вреда, хотя бы въ томъ частичномъ видѣ, о которомъ говоритъ проф. Покровский, но все-же я отъ души привѣтствую эти первыя попытки осуществленія въ современной дѣйствительности прекрасной идеи „*solidarité social*“, указывающія путь, по которому слѣдуетъ ити и доказывающія, что эта общественная солидарность отнюдь не несбыточная мечта.

Но подобное частичное осуществленіе идея разложенія вреда, какъ мы уже говорили, только суживаетъ область примѣненія индивидуальной отвѣтственности за вредъ и убытки, предоставляя ей мѣсто тамъ, гдѣ она можетъ быть примѣнена безъ особаго нарушенія чувства справедливости, но не устраняетъ ее совершенно. Поэтому вопросъ объ основаніи этой отвѣтственности сохранять для насъ свое значеніе и требуетъ разрѣшенія въ томъ или иномъ смыслѣ.

Несмотря на то, что теорія вины отвергнута большинствомъ юристовъ, я все же рѣшаюсь встать на сторону ея пѣ-

¹⁾ D. Massé цит. соч.

²⁾ D. Massé цит. соч.

многочисленныхъ защитниковъ. Мы видѣли, что упреки, дѣлаемые теоріи вины съ точки зрѣнія справедливости являются неосновательными,—въ приводимыхъ примѣрахъ виноватъ не принципъ вины, а вообще индивидуальный характеръ отвѣтственности за вредъ и убытки. Вслѣдствіе этого задача политики права состоитъ вовсе не въ расширеніи этой индивидуальной отвѣтственности на сторонѣ причинителя, а въ перестройкѣ ея на другихъ началахъ, оставляя индивидуальной отвѣтственности мѣсто только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это необходимо. Что-же касается до теоретическихъ возраженій, то признавая вполне все различіе между наказаніемъ и вознагражденіемъ за вредъ, я вполне соглашаюсь, что вина не можетъ и не должна играть въ гражданскомъ правѣ ту-же самую роль, какъ и въ уголовномъ. Ея значеніе совершенно иного рода, вытекающее, собственно говоря, изъ теоріи причиненія. Теорія механической причинности въ настоящее время всеми признана неудовлетворительной, — ее смѣнила теорія каузальности воли, указывающая, что высшія дѣйствія челоуѣка пріобрѣтаютъ правовой смыслъ и значеніе лишь тогда, когда они являются продуктомъ сознанія и воли челоуѣческой, т. е. для признанія в. н. дѣйствія причиной вреда, необходимо, чтобы оно являлось результатомъ воли челоуѣка. А т. к. по современному праву не всякое, хотя бы умышенное, причиненіе убытковъ можетъ повлечь за собой имущественную отвѣтственность, но лишь такія вредныя дѣянія, на совершеніе которыхъ данное лицо не имѣло права, т. е. дѣянія недозволенные, то и воля на совершеніе такого дѣйствія является неправомѣрной или виной.

Вслѣдствіе этихъ соображеній можно согласится съ Sjogren'омъ и Кривцовомъ, что моментъ вины въ отвѣтственности за вредъ и убытки служить только средствомъ доказательства каузальной связи между дѣйствіемъ и вредомъ. Этимъ значеніемъ вины объясняется вполне и то, что она не оказываетъ никакого вліянія на опредѣленіе размѣра вознагражденія за вредъ, и тотъ абстрактный, неопредѣленный характеръ, съ которымъ она выступаетъ при обязательствѣ возмѣщенія убытковъ. Что-же касается до указанныхъ мной въ началѣ лекціи исключенія изъ принципа вины, то они объясняются отчасти недостатками современнаго экономическаго строя, а отчасти служатъ средствомъ для достиженія извѣст-

ныхъ общественныхъ результатовъ, однимъ изъ многихъ средствъ соціальной политики. Всѣ попытки найти имъ общее теоретическое основаніе заканчивались неудачей. Въ качествѣ примѣра можно привести новѣйшую теорію Кривцова. ¹⁾ Признавая главной задачей изслѣдованія вопроса о каузальной связи въ опредѣленіи, при какихъ условіяхъ вредную дѣятельность слѣдуетъ считать дѣятельностью опредѣленнаго лица, онъ доказательствомъ такой каузальной связи считаетъ не только моментъ вины, а и моментъ цѣли, охватывающій всѣ перечисленные нами исключенія. Для момента цѣли существенно важно, чтобы эта дѣятельность совершалась именно въ интересъ даннаго лица. И вотъ отвѣтственность невмѣняемыхъ, долженствующая бытъ всегда, по мнѣнію Кривцова, субсидіарной, объясняется имъ тѣмъ, что дѣйствіе, причинившее вредъ, невмѣняемый совершалъ въ своемъ интересѣ, состоящемъ въ стремленіи пользоваться большей свободой въ дѣйствіяхъ, чѣмъ ему это позволено. Натянутость и неправильность подобнаго объясненія очевидны сами собой.

Я изложилъ передъ Вами, М. Г. положеніе вопроса объ основаніяхъ гражданской отвѣтственности за вредъ и убытки въ современной литературѣ. Несмотря на кажущійся чисто теоретическій характеръ всѣхъ разногласій по данному вопросу, въ основѣ ихъ лежитъ глубокая соціально-политическая идея, свидѣтельствующая, что современное юридическое сознаніе переросло узкія и ненормальныя формы экономическаго быта, насквозь проникнутаго индивидуализмомъ, и что стремленіе къ иному, высшему строю сказывается все сильнѣе и сильнѣе.

Разложеніе вреда, вотъ та цѣль, тотъ идеаль, который выставляетъ политика права, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ, что частичное осуществленіе его въ видѣ страхованія рабочихъ и общаго страхованія всѣхъ гражданъ отъ нищеты и голодной смерти должно явиться ближайшей задачей современнаго законодательства. Это будетъ крупный шагъ впередъ въ погонѣ человѣчества за кускомъ хлѣба.

А. Симолинъ.



¹⁾ Цит сог. стр. 153—158.